А. Архангельский

ПАРОДИИ

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ

ПАРОДИИ

издание 6-е, дополненное

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ
МОСКВА
1939 г.

А—87

Художник А. Радаков

ПРОЗАИКИ

КЛАССИК
И
СОВРЕМЕННИКИ

А. ПУШКИН

Я приближался к месту моего назначения. Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами. Все покрыто было снегом. Солнце садилось. Кибитка ехала по узкой дороге, или точнее по следу, проложенному крестьянскими санями. Вдруг ямщик стал посматривать в сторону и наконец, сняв шапку, оборотился ко мне и сказал: «Барин, не прикажешь ли воротиться?»

— Это зачем?

«Время ненадежное: ветер слегка подымается;— вишь, как он сметает порошу».

— Что ж за беда!

«А видишь там что?» (ямщик указал кнутом на восток).

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба.

«А вон — вон: это облачко».

Я увидел в самом деле на краю неба белое облачко, которое принял было сперва за отдаленный холмик. Ямщик изъяснил мне, что облачко предвещало буран.

«Капитанская дочка» (глава II).

Е. ГАБРИЛОВИЧ

Я приближался. К месту моего назначения. Это было в конце декабря. Позапрошлого года. В девять утра по московскому времени.

Вокруг меня были пустыни. Они простирались. Они были печальны. Они были пересечены холмами. Они были пересечены оврагами. Они были покрыты снегом. Это был добротный снег. Он скрипел. Он похрустывал. Он сверкал. Он синел. Он не таял. Он лежал.

Я посмотрел на солнце. Это было ржавое солнце. Это было старорежимное солнце. Оно опускалось. Оно сползало. Оно садилось. Я подумал, что точно так же оно садится в Москве. В Краснопресненском районе. Мне стало грустно. Я вспомнил моих друзей. Я вспомнил знакомых. Я вспомнил родных.

Наша кибитка ехала. Это была старая кибитка. Она стонала. Она охала. Она вздрагивала. Она ехала. Она ехала по дороге. Она ехала по следу. Он был узок. Он был проложен санями. Это были крестьянские сани.

Вдруг ямщик стал посматривать. Он посмотрел в сторону. Он крякнул. Он высморкался. Он сплюнул. Он рыгнул. Он снял шапку. Он оборотился ко мне. Он открыл рот. Он сказал: не прикажу ли я воротиться.

Я высунулся из кибитки. Я увидел пустыню. Это была печальная пустыня. Я увидел степь. Это была белая степь. Я увидел небо. Это было ясное небо. Подымался ветер. Он подымался слегка. Он подымался нехотя. Он сметал порошу.

Ямщик волновался. Он надел шапку. Он крякнул. Он высморкался. Он сплюнул. Он рыгнул. Он ударил рукавицей об рукавицу. Он ткнул кнутом на восток.

Я посмотрел. Я увидел горизонт. Я увидел край неба. Я увидел холмик. Мне взгрустнулось. Я подумал о крематории. Я подумал о кладбище. Я подумал, что люди смертны. Я ошибся. Это был не холмик. Это было белое облачко. Оно висело. Оно висело, как аэростат. Оно покачивалось. Оно растягивалось. Оно подпрыгивало. Оно предсказывало. Оно предвещало буран.

Я спешно приближался к географическому месту моего назначения. Вокруг меня простирались хирургические простыни пустынь, пересеченные злокачественными опухолями холмов и черной оспой оврагов. Все было густо посыпано бертолетовой солью снега. Шикарно садилось страшно утопическое солнце.

Крепостническая кибитка, перехваченная склеротическими венами веревок, ехала по узкому каллиграфическому следу. Параллельные линии крестьянских полозьев дружно морщинили марлевый бинт дороги.

Вдруг ямщик хлопотливо посмотрел в сторону. Он снял с головы крупнозернистую барашковую шапку и повернул ко мне потрескавшееся, как печеный картофель, лицо кучера диккенсовского дилижанса.

— Барин,— жалобно сказал он, напирая на букву «а»,— не прикажешь ли воротиться?

— Здрасте! — изумленно воскликнул я. — Это зачем?

— Время ненадежное,— мрачно ответил ямщик,— ветер подымается. Вишь, как он накручивает порошу. Чистый кордебалет!

— Что за беда! — беспечно воскликнул я.— Гони, гони. Нечего Ваньку валять!

— А видишь там что?— ямщик дирижерски ткнул татарским кнутом на восток.

— Чорт возьми! Я ничего не вижу!

— А вон — вон, облачко.

Я выглянул из кибитки, как кукушка.

Гуттаперчевое облачко круто висело на краю алюминиевого неба. Оно было похоже на хорошо созревший волдырь. Ветер был суетлив и проворен. Он был похож на престидижитатора. Ямщик пошевелил деревенскими губами. Они были похожи на высохшие штемпельные подушки. Он панически сообщил, что облачко предвещает буран.

Я спрятался в кибитку. Она была похожа на обугленный кокон. В ней было темно, как в пушечном стволе неосвещенного метрополитена.

Нашатырный запах поземки дружно ударил мне в нос. Чорт подери! У старика был страшно шикарный нюх.

Это действительно приближался доброкачественный, хорошо срепетированный буран.

С тем смешанным чувством грусти и любопытства, которое бывает у людей, покидающих знакомое прошлое и едущих в неизвестное будущее, я приближался к месту моего назначения.

Вокруг меня простирались пересеченные холмами и оврагами, покрытые снегом поля, от которых веяло той нескрываемой печалью, которая свойственна пространствам, на которых трудится громадное большинство людей для того, чтобы ничтожная кучка так называемого избранного общества, а в сущности, кучка пресыщенных паразитов и тунеядцев, пользовалась плодами чужих рук, наслаждаясь всеми благами той жизни, порядок которой построен на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплоатации, считая, что такой порядок не только не безобразен и возмутителен, но правилен и неизменен, потому что он, этот порядок, основанный на пороках, разврате, лжи, обмане и эксплоатации, приятен и выгоден развратной и лживой кучке паразитов и тунеядцев, которой приятней и выгодней, чтобы на нее работало громадное большинство людей, чем если бы она сама работала на кого-нибудь другого.

Даже в том, как садилось солнце, в узком

следе крестьянских саней, по которому ехала кибитка, было что-то оскорбительно-смиренное и грустное, вызывающее чувство протеста против того неравенства, которое существует между людьми.

Вдруг ямщик, тревожно посмотрев в сторону, снял шапку, обнаружил такую широкую, желтоватую плешь, которая бывает у людей, очень много, но неудачно думающих о смысле жизни и смерти, и, повернув ко мне озабоченное лицо, сказал тем взволнованным голосом, каким говорят в предчувствии надвигающейся опасности:

— Барин, не прикажешь ли воротиться?

— Это зачем?— с чувством удивления спросил я, притворившись, что не замечаю волнения в его голосе.

— А видишь там что?— ямщик указал кнутом на восток, как бы приглашая меня удостовериться в том, что тревога его не напрасна и имеет все основания к тому, чтобы быть оправданной.

— Я ничего не вижу, кроме белой степи да ясного неба,— твердо сказал я, давая понять, что отклоняю приглашение признать правоту его слов.

— А вон — вон: это облачко,— добавил ямщик с чувством, сделав еще более озабоченное и тревожное лицо, как бы желая сказать, что он осуждает мой отказ и нежелание понять ту простую истину, которая так очевидна и которую я, из чувства ложного самолюбия, не хочу признать.

С чувством досады и раздражения, которое бывает у человека, уличенного в неправоте,

я понял, что мне нужно выглянуть из кибитки и посмотреть на восток, чтобы увидеть, что то, что я принял за отдаленный холмик, было тем белым облачком, которое, по словам ямщика, предвещало буран.

«Да, он прав,— подумал я.— Это облачко действительно предвещает буран».— И мне вдруг стало легко и хорошо, так же как становится легко и хорошо людям, которые, поборов в себе нехорошее чувство гордости и чванства, мужественно сознаются в своих ошибках, которые они готовы были отстаивать из чувства гордости и ложного самолюбия.

В. ВИШНЕВСКИЙ

БОИ

Эпопея в 15 баталиях

Баталия 1-я

На сцене — поле сражения. Окопы. Блиндажи. Проволочные заграждения. Частая ружейная стрельба. Тявканье пулеметов. Буханье тяжелых орудий. Вой сирен. Свист свистков.

ВЕДУЩИЙ. Дорогие товарищи зрители! Что мы видим? Мы видим поле сражения, окопы и блиндажи и проволочные заграждения. И что мы, дорогие товарищи зрители, слышим? Мы слышим частую ружейную стрельбу, тявканье пулеметов, бухание тяжелых орудий. И еще мы слышим вой сирен и свист свистков. Это идет бой. Нюхайте порох, дорогие братишечки штатские!

Баталия 8-я

То же поле сражения. Прожектора. Зловещий рокот пропеллеров. Взрывы бомб, бросаемых бомбовозами. Взрывы бризантных снарядов. Вообще взрывы.

ВЕДУЩИЙ. Бой продолжается, дорогие штатские зрители. Сейчас, как вы слышите, на сцене появились новые смертоносные орудия. Вы слышите зловещий рокот пропеллеров. Взрывы бризантных снарядов и фугасов. И вообще взрывы. Это идет бой.

Баталия 15-я

Обстановка та же, что и в первых баталиях.

ВЕДУЩИЙ. Бой продолжается. Сейчас по ходу пьесы на зрителей будут пущены газы. Надевайте, дорогие товарищи, противогазовые маски. У кого масок нет — смывайтесь. Полундра!

Со сцены в зрительный зал ползут газы.

Симфония сирен, свистков и взрывов.

Занавес в виде дымовой завесы.

Примечание. Количество эпизодов может быть увеличено или уменьшено сообразно с пороховыми и пистонными ресурсами театра.

Ф. ГЛАДКОВ

ГЛАВЦЕМЕНТ

I

БРАЧНАЯ НЕУВЯЗКА

Как и тогда, булькотело и дышало нутряными вздохами море, голубели заводские трубы, в недрах дымились горы, но не грохотали цилиндры печей, не барахолили бремсберги и в каменоломнях и железобетонных корпусах шлендрали свиньи, куры, козы и прочая мелкобуржуазная живность.

Глеб Чумалов вернулся к своему опустевшему гнезду, на приступочках которого стояла жена Даша и шкарабала себя книгой «Женщина и социализм» сочинения Августа Бебеля.

У Глеба задрожали поджилки и сердце застукотело дизелем. Рванулся к ней.

— Даша! Жена моя!

Обхватил могучей обхваткой так, что у нее хрустнули позвонки, и с изумлением воскликнул:

— Дашок! Шмара моя красноголовая! Да ты никак дышишь не той ноздрей?

Ответила строго, организованно:

— Да, товарищ Глеб. Ты же видишь, я — раскрепощенная женщина-работница и завтра чуть свет командируюсь лицом к деревне по женской части. Успокой свои нервы. Не тачай горячку. Заткнись.

Глеб вздохнул тяжелым нутряным вздохом. Натужливо хмыкнул от удивления.

— Шуганула ты меня, Дашок, на высокий градус, так, что и крыть нечем. Ну что ж, займусь восстановлением завода на полный ход.

II

БЛАТНАЯ МУЗЫКА

Бузотерили и матюгались слесаря, бондаря, кузнецы и электрики. Балабонили всем гамузом, дышали нутряными вздохами и разлагались на мелкобуржуазные элементы.

Глеб сорвал с головы свой геройский шлем и шваркнул им оземь. Крикнул громовым голосом:

— Братва! Как я есть красный боец гражданского фронта и стою на стреме интересов цементного производства, то буду вас крыть, дорогие товарищи, по чем зря, будь вы четырежды четыре анафема прокляты, шкурники и брандахлысты. Правильно я кумекаю, шпана куриная?

Словно ток с электропередачи прошел по сердцам бондарей, слесарей, кузнецов и электриков. Единогласно, коллективно воскликнули:

— Верно, ядри твою корень!

— Фартовый парень, едят его мухи с комарами!

— Свой в доску!

— Дрызгай на все на рупь на двадцать!

— Крой дело на попа!

Глеб вздохнул радостным нутряным вздохом. Громогласно воскликнул:

— Братва! Дербанем производство за жабры! Треснем, а завод чекалдыкнем!

III

ЗА РАБОТОЙ

На высокий градус вскипели дни. Глеб, как скаженный, мотался из завкома в исполком, из исполкома в совнархоз, из совнархоза в Госплан, из Госплана в СТО.

Грохотал в завкоме:

— Грохайте хабардой, дорогие друзья! Не то живо к стенке поставлю!

Громыхал в исполкоме:

— Не балабоньте, глотыри, так вашу раз этак!

Буркотел в совнархозе:

— Пришью вас к стенке, куклы полосатые!

Ободрял, подначивал, брякал по башкам, чебурахал по затылкам, дрызгал по хайлам и в конце концов добился своего.

Задымились голубые трубы, застукотели маховики, забарахолили цилиндры печей, загрохотали бремсберги, и колеса электропередачи закружились в разных пересечениях, наклонениях, спряжениях, числах и падежах.

IV

АПОФЕОЗ

Наверху, на ажурной вышке, стоял Глеб, а внизу — в недрах и на склонах, в ущельях и под несметные толпы толп, чествуя самоотвер-

женного бойца за цементное дело, копошились, булькотели, шваркали, бумкали, полыхали плакатами и знаменами, издавая восторженные нутряные гулы, под звон колоколов духового оркестра в двадцать два человека с барабанщиком.

Михаил ЗОЩЕНКО

СЛУЧАЙ В БАНЕ

Вот, братцы мои, гражданочки, какая со мной хреновина вышла. Прямо помереть со смеху.

Сижу это я, значит, и вроде как будто смешной рассказ сочиняю. Про утопленника.

А жена говорит:

— Что это,— говорит,— елки-палки, у тебя, между прочим, лицо индиферентное? Сходил бы,— говорит,— в баньку. Помылся.

А я говорю:

— Что ж,— говорю,— схожу. Помоюсь.

И пошел.

И что же вы, братцы мои, гражданочки, думаете? Не успел это я мочалкой, извините за выражение, спину намылить, слышу — караул кричат.

«Никак,— думаю,— кто мылом подавился или кипятком ошпарился?»

А из предбанника, между прочим, человек выскакивает. Голый. На бороде номерок болтается. Караул кричит.

Мы, конечно, к нему. В чем дело?— спрашиваем.— Что, спрашиваем, случилось?

А человек бородой трясет и руками размахивает.

— Караул,— кричит,— у меня пуп сперли!

И действительно. Смотрим, у него вместо пупа — голое место.

Ну, тут, конечно, решили народ обыскать. А голых обыскивать, конечно, плевое дело. Ежели спер что, в рот, конечно, не спрячешь.

Обыскивают. Гляжу, ко мне очередь подходит. А я, как на грех, намылился весь.

— А ну,— говорят,— гражданин, смойтесь.

А я говорю:

— Смыться,— говорю,— можно. С мылом,— говорю,— в подштанники не полезешь. А только,— говорю,— напрасно себя утруждаете. Я,— говорю,— ихнего пупа не брал. У меня,— говорю,— свой есть.

— А это,— говорит,— посмотрим.

Ну, смылся я. Гляжу,— мать честная! Да никак у меня два пупа!

Человечек, конечно, в амбицию.

— Довольно,— кричит,— с вашей стороны нахально у трудящихся пупы красть! За что,— кричит,— боролись?

А я говорю:

— Очень,— говорю,— мне ваш пуп нужен. Можете,— говорю,— им подавиться. Не в пупе,— говорю,— счастье.

Швырнул это я, значит, пуп и домой пошел. А по дороге расстроился.

«А вдруг,— думаю,— я пупы перепутал? Вместо чужого свой отдал?»

Хотел было обратно вернуться, да плюнул.

«Шут,— думаю,— с ним. Пущай пользуется. Может, у него еще что сопрут, а я отвечай!»

Братцы мои! Дорогие читатели! Уважаемые подписчики!

Никакого такого случая со мной не было. Все это я из головы выдумал. Я и в баню сроду не хожу. А сочинил я для того, чтоб вас посмешить. Чтоб вы животики надорвали.

Не смешно, говорите? А мне наплевать!

Л. ЛЕОНОВ

ПЛОТЬ

Лось пил водку стаканами.

В дебрях опаленной гортани булькала и клокотала губительная влага, и преизбыток ее стекал по волосатой звериности бороды, капая на равнодушную дубовость стола.

Нехитрая ржавая снедь, именуемая сельдью, мокла заедино с бородавчатой овощью. Огурец был вял и податлив и понуро похрустывал на жерновах зубов, как мерзлый снежок под ногами запоздалого прохожего.

Оранжевая теплынь разливалась по тулову.

Мир взрывался и падал в огуречный рассол. Наступал тот ответственный час, в который выбалтывается сокровенное и воображением овладевает апокалипсическое видение.

В ту пору и возникла в позлащенном оранжевым закатом оконце хмурая иноческая скуфья.

Недоброй чернотью глаз монашек взирал на пиршество.

— Ты чего, тим-тим-тим, уставился?— превесело и пребодро воскрикнул Лось.— Влезай, присаживайся. Как звать-то?

— Евразий,— проскрипела скуфья.

— Водчонки, небось, хочешь, индюшкин кот?

— Правды взыскую,— пробубнил Евразий, облизывая губную сухоть.— Бабеночку бы мне.

— Эва, чего захотел!— Лось приударил стаканом по столу.— Дрова руби! Тим-тим-тим! Холодной водой обтирайся!

— Красоты жажду,—сипел монашек.— Нутряной огонь опалят младость мою. Зрел я ноне беса. Бабеночку нерожалую. Персты пуховы... губы оранжевы...

Все ярилось в нем: и манатейный кожаный пояс на простоватых чреслах и бесстыжие загогулины нечесаных косм, высунувшиеся оранжевыми языками из-под омраченной плотью скуфьи.

Смутительная зудь явно коробила первозданное евразиево вещество.

— Не дури, парень! Не люблю!— прикрикнул Лось, дивясь иноческому неистовству.— Смиряй плоть, блудливая башка. Тригонометрию изучай! Химию штудируй!

— Пошто супротив естества речешь?!— возопиял Евразий и вдруг преломился надвое в поясном поклоне.— Прости, брат во строительстве. Не помыслю о греховном, доколе не обрету знаний указуемых.

Дуют ветры — влажные, как коровьи языки. В величавых, как вселенная, дифибрерах крошится мир. В первозданной квашне суматошливой целлюлозы, как разрешенное сомнение, зачинается бумажная длинь, и в неохватных немощным глазом просторах возникает оранжевая пунктирь преображения евразиевой плоти.

Н. ОГНЕВ

ЕЖЕГОДНИК КОСТИ РЯБЦЕВА

1920 год. Вчера спер из школы тетради и карандаши. Чуть было не засыпался. Сцапала шкрабиха. Кричит: «Вор!» Дура! Мне дневники писать нужно. А она разве понимает!

1921 год. Пишу дневники. Папанька ругается. Говорит, чтобы я делом занялся. Чудак! Не понимает того, что я через дневники в люди выбьюсь. Писателем стану.

1923 год. Даже рука заболела — до того много приходится писать. Зачеты на носу, а у меня времени только и хватает на писание дневников.

1924 год. Спрашивал у Никпетожа: есть ли бог и хорошо ли я делаю, что пишу дневники? Он сказал, что бога нет, а дневники писать нужно. Из них можно потом полное собрание сочинений сделать.

1925 год. Хорошо бы купить пишущую машинку. Тогда бы легче писать было и скорее. Пристает ко мне одна дивчина, но я ее отшил красноармейским пайком. Стану я с девчонками возиться, когда мне дневники писать нужно.

1928 год. Перешел на непрерывную неделю. Никпетож говорит, что к концу пятилетки у меня обязательно будет полное собрание сочинений.

1 9 3 0 г о д. Сегодня ровно десять лет, как я пишу дневники. Никпетож чем-то озабочен. Когда я спросил, он сказал, что нужно пригласить стенографистку.

1 9 4 0 г о д. Моему сыну уже восемь лет. Сегодня он попросил у меня бумагу и карандаш. Когда я спросил, зачем они ему, он ответил, что будет вести дневник. Никпетож обрадовался. Говорит, что мне теперь беспокоиться нечего, раз есть смена.

1 9 5 0 г о д. Сегодня ровно тридцать лет, как я начал вести дневник. Никпетож поздравлял. Сказал, что пока я и мои дети будут писать дневники, старость его обеспечена.

1 9 7 0 г о д. Сегодня пятьдесят лет, как я веду дневники. Пишем все: сыновья, дочери, внуки. Никпетож хвалит и говорит, что теперь можно будет издать полное собрание всех наших полных собраний дневников.

2 0 2 0 г о д. Сегодня исполнилось ровно сто лет, как я пишу дневники. Никпетожу поставили памятник на площади моего имени. Вышел пятьсот двенадцатый том моих дневников. Теперь и умереть можно спокойно. Никпетож говорит: рано. Надо еще писать. Ужас!

Ю. ОЛЕША

РАСКАЯНЬЕ

Директору треста пищевой промышленности, члену общества политкаторжан Бабичеву.

Андрей Петрович!

Я плачу по утрам в клозете. Можете представить, до чего довела меня зависть.

Несколько месяцев назад вы подобрали меня у порога пивной. Вы приютили меня в своей прекрасной квартире. На третьем этаже. С балконом.

Всякий на моем месте ответил бы вам благодарностью.

Я возненавидел вас. Я возненавидел вашу спину и нормально работающий кишечник, ваши синие подтяжки и перламутровую пуговицу трикотажных кальсон.

По вечерам вы работали. Вы изобретали необыкновенную чайную колбасу из телятины. Вы думали о снижении себестоимости обедов в четвертак. Вы не замечали меня.

Я лежал на вашем роскошном клеенчатом диване и завидовал вам. Я называл вас колбасником и обжорой, барином и чревоугодником.

Простите меня. Я беру свои слова обратно.

Кто я такой? Деклассированный интеллигент. Обыватель с невыдержанной идеологией. Мелкобуржуазная прослойка.

Андрей Петрович! Я раскаиваюсь. Я отмежевываюсь от вашего брата. Я постараюсь загладить свою вину. Я больше не буду.

У меня неплохие литературные способности. Дайте мне место на колбасной фабрике. Я хочу служить пролетариату. Я буду писать рекламные частушки о колбасе и носить образцы ее Соломону Шапиро.

Это письмо я пишу в пивной. В кружке пива отражается вселенная. На носу буфетчика движется спектральный анализ солнца. В моченом горохе плывут облака.

Андрей Петрович! Не оставьте меня без внимания. Окажите поддержку раскаявшемуся интеллигенту.

В ожидании вашего благоприятного ответа, остаюсь уважающий вас

Николай Кавалеров.

P. S. Мой адрес: Здесь, вдове Аничке Прокопович — для меня.

В. ШКЛОВСКИЙ

СЕНТИМЕНТАЛЬНЫЙ МОНТАЖ

Я пишу сидя.

Для того, чтобы сесть, нужно согнуть ноги в коленях и наклонить туловище вперед.

Не каждый, умеющий садиться, умеет писать.

Садятся и на извозчика.

От Страстной до Арбата извозчик берет рубль.

Седок сердится.

Я тоже ворчу.

Седок нынче пошел не тот.

Но едем дальше.

Я очень сентиментален.

Люблю путешествовать.

Это потому, что я гениальнее самого себя.

Я обожаю автомобили.

Пеший автомобилю не товарищ.

Лондон славится туманами и автомобилями.

Кстати о брюках.

Брюки не должны иметь складок.

Так же, как полотно киноэкрана.

В кино важен не сценарист, не режиссер, не оператор, не актеры и не киномеханик, а —я.

Вы меня еще спросите, что такое фабула?

Фабула не сюжет, и сюжет не фабула.

Сюжет можно наворачивать, разворачивать и поворачивать.

Кстати, поворачиваю дальше.

В Мурманске все мужчины ходят в штанах, потому что без штанов очень холодно.

Чтобы иметь штаны, нужно иметь деньги.

Деньги выдают кассиры.

Мой друг Рома Якобсон сказал мне:

— Если бы я не был филологом, я был бы кассиром.

Мы растрачиваем золото времени, накручивая кадры забракованного сценария.

Лев Толстой сказал мне:

— Если бы не было Платона Каратаева, я написал бы о тебе, Витя.

Толстой ходил босиком.

Босяки Горького вгрызаются в сюжет.

Госиздат грызет авторов.

Лошади кушают овес.

Волга впадает в Каспийское море.

Вот и все.

И. ЭРЕНБУРГ

НЕ ПЕРЕВОДЯ С ФРАНЦУЗСКОГО

Петька любит Варьку. Варька любит Петьку. Хорошо любить на Севере. Визжат лесопилки. Кругом штабели. Балансы и пропсы. Тютчев и дроля Пастернак. А запаней сколько?

Когда Варька рассталась с Петькой, она уехала на запань. Хорошо на запани. Древесина. Экспортный. А вицы? Тут не отстанешь. Даже Глашка перевыполнила норму. А ведь у Глашки на запани и дроли нет.

Музейный работник задыхается: «Разве на запани искусство? Хомуты. Медведки. А фрески где?» Художник грызет огурцы. Запань — это жизнь! И пишет картину — похороны на запани.

Актриса возвращается в гостиницу. Даже на запани она играла плохо. Разве это жизнь? Поплакав, она ложится спать. Тем временем иностранец Иоаганн Штрем ходит по городу и, не переводя дыхания, заживо разлагается. Конченный тип. Что ему запань!

Лелька любит Геньку. Генька не любит Лельку. Генька — плохой парень. Шкурник и карьерист. Даже на запани не был. А еще комсомолец. Когда Лелька от него ушла, Геньку полюбила Наташка. Они целовались. Потом Наташка сказала: «Уходи!» Генька ушел. Подумаешь! Очень она ему нужна!

Актрисе нравится ботаник. Ботаник любит собак и яровизацию. Пшеница на запани! Тем временем иностранец Иоганн Штрем, не переводя дыхания, разъезжает по Европе и окончательно разлагается. Туда ему и дорога! Поплакав, актриса едет в колхоз. Она играет Дездемону. Колхозники плачут. До чего умилительно! Актриса тоже плачет. Теперь можно и на запани играть! Петька — хороший парень. Когда он ликвидировал прорыв, Варька вернулась с запани. Они обнялись и молчали. О чем говорить? О запани? Все ясно. Тут, собственно, следует передохнуть. А Генька? Хорошо бы послать его на запань! Стоит ли? Такого и запань не исправит. И Генька вместо запани едет в Москву.

В Москве Геньку любит Варька. Генька любит себя. Поплакав, Генька уезжает в Арктику. Но все же!.. А как быть с ботаником?

Ботаник любит Лельку. Лелька любит Ваську. Ботаник вздыхает. Вот тебе и яровизация! С горшком подснежников он идет к Петьке.

Варька просыпается. Что это? Запань? Ботаник смеется. Запань! Потом бодро присаживается и пьет чай.

Автор уезжает с запани в Париж и, не переводя дыхания, пишет новый роман.

Париж — Запань.

Шахсей-
-эд-Мульк
хан

Лев НИКУЛИН

ВРЕМЕНА И НРАВЫ

Приступая к жизнеописанию моего героя, я мог бы рассказать о Панасюке, знаменитом Тарасе Панасюке, потомке запорожских казаков, о которых чернобровые Оксаны и Одарки пели на вечерницах:

Нехай мене не ховают
Ни попы, ни дьяки,
Нехай мене заховают
Запорожски казакй.

Однажды ночью Панасюк исчез. Утром взошло щедрое украинское солнце. Англия установила протекторат над алжирским беем, в Полтаве аптекарский ученик Изя Цукерштейн сдал экзамен на аттестат зрелости, в Чикаго биржевой крах превратил в нищих вчерашних миллионеров, современники плодились и размножались. Илья Эренбург писал стихи, но Панасюка не было.

Пепел забвения грозил похоронить память о нем, но, как говорится у Гоголя,— «отыскался след Тарасов».

Однажды мой герой и его спутница сидели на приморском бульваре. Ветер Индии обдувал их разгоряченные лица. Нужно ли говорить, что ее голова лежала на плече моего героя? Они были молоды и говорили об

3 Н. 5236

Эрфуртской программе и революции, о Бальзаке и заработной плате портовых грузчиков. Они были молоды и верили в торжество разума и справедливости. Светало. Мой герой поцеловал свою сверстницу в губы, и они расстались.

С той поры прошло двадцать три года. Во Франции менялись министерства, Испания стала республикой, умер Пуришкевич, сын Изи Цукерштейна окончил консерваторию. Илья Эренбург перешел на прозу. Как сказал Саади:

Одних уж нет, а те далече...

О, моя молодость! Где вы, шакалы Афганистана, скорпионы Герата и фаланги Кабула? Где мои сверстники и спутники? Где ты. Вася Капараки, силач и весельчак, бесстрашный разведчик и неутомимый покоритель вдовьих сердец?

Однажды летом мой герой шел по Петровке. Был один из тех жарких дней, когда парижане пьют оршад и яблочный сидр, американы — коктейли, и внуки московских меценатов и присяжных поверенных — дедушкин квас.

Взгляд моего героя упал на вывеску. На полотняном щите замысловатой вязью было написано: «ОСЬ ТАРАС з КИЇВА». Сам Панасюк стоял за прилавком, и его шевченковские усы грустно свисали над маковыми бубликами и медовыми пряниками. Он не узнал меня. Я прошел мимо. Это была наша последняя встреча.

Прости, мы не встретимся боле.
Друг другу руки не пожмем...

На эстраде бесстыдно пляшут голые таитянки.

Париж. Осень. Мы сидим в ночном кафе на бульваре Марешаль. За соседним столиком Тарас Панасюк в компании ротмистра фон Штриппке и корнета Ангурского пьет коньяк. Мой приятель кушает раковый суп, вздыхает и берет за подбородок свою спутницу. Я беру шляпу и ухожу.

Но не грусти, читатель. Мы еще встретимся. Однажды я расскажу тебе о Шахсей-эд-Мульк-хане, великом современнике Вахсей-ибн-уль-Задэ, чья пышная биография, по свидетельству персидского поэта XI века Омер Хайяма,

Подобна грому в садах Гюлистана,
Когда над ними поет соловей.

Москва—Мадрид—Кабул—Анкара—Париж.

Е. ЗОЗУЛЯ

НОВЕЛЛЫ ИЗ ЦИКЛА «ТЫСЯЧА В ОДНУ НОЧЬ»

789. Обыкновенный гражданин. Родился. Был ребенком. Потом отроком. Постепенно стал взрослым. Незаметно превратился в старика. Умер. Перед смертью икал.

801. Необыкновенная советская девушка. Блондинка. Прелестная фигура. Рост средний. Глаза серые. Нос прямой. Лицо гладкое. Особых примет нет.

875. Уже старуха, 87 лет. Положительный тип. Когда-то была молодой семнадцатилетней девушкой. Молодость прошла. Страдает одышкой. Вероятно, скоро умрет.

908. Замечательный юноша. Рост 178 сантиметров. Вес 76 кило. Гемоглобину 89. Роэ—3. Когда улыбается — показывает великолепные зубы, когда не улыбается— зубов не видно. В позапрошлом году ездил по Волге.

999. Пятидесятилетний мужчина. Администратор. Обожает литературу. В свободное от службы время пописывает. Может быть Бальзаком. Бессмертен.

КРИТИКИ

ВЗГЛЯД И НЕЧТО,
ИЛИ
КАК ПИШУТСЯ ПРЕДИСЛОВИЯ

Предлагаемая вниманию читателей повесть «В застенках любви», мне кажется, едва ли может быть включена в число произведений, созвучных нашей, мне кажется, столь бурной и плодотворной эпохе.

Тем не менее, она любопытна как образец творческой практики автора, не овладевшего, мне лично кажется, диалектическим методом.

Поэтому крайне поучительным и небезынтересным будет, мне кажется, наше знакомство с ошибками и недостатками, в немалом количестве встречающимися, мне кажется, в повести.

Будучи человеком аполитичным, автор, тем не менее, умеет видеть те тончайшие, мне кажется, изгибы душевных переживаний героев предлагаемой вниманию читателей повести и ту очаровательную борьбу, окрашенную в сексуальные тона, которые так характерны для новелл, мне лично кажется, эпохи Возрождения.

Конечно, было бы, мне кажется, излишним с нашей стороны требовать от автора правильного анализа событий и человеческих поступков, тем не менее, в мотивировках автора, хотя и не точных, мы видим, пусть не совсем удачные, пусть крайне наивные, но тем не ме-

нее, мне лично кажется, искренние попытки овладеть творческим методом.

Кажется, Бюффон сказал: «Любовь познается в непознаваемом». К сожалению, это тонкое изречение не применимо к автору. Идеалистический метод мешает ему видеть вещи в их, мне кажется, настоящем свете.

Я вполне убежден, что для многих читателей не совсем будет ясна та ситуация, в которую поставил автор своих героев. Это бесспорно.

Но, конечно, верно и то, что автор, ставя героев в то или иное положение, преследовал, мне кажется, весьма благие намерения.

И если ему это, может быть, не совсем удалось, то вина, по-моему, лежит не на нем, а на объективно социально-экономических и эстетических предпосылках, столь характерных для этой эпохи.

Разумеется, я не претендую на исчерпывающую полноту анализа художественной и социальной значимости данной повести.

Как я уже сказал, она не лишена достоинств, хотя, с другой стороны, имеет ошибки и недостатки, над которыми, к сожалению, не превалирует первое качество.

Тем не менее, повесть должна быть признана, мне лично кажется, весьма ценным вкладом в сокровищницу нашей художественной литературы.

Я полагаю, что вдумчивый читатель сумеет сам разобраться в предлагаемой его вниманию повести и сделать соответствующие выводы.

Е. УСИЕВИЧ

ОПАСНАЯ ДОРОГА

Основные задачи текущего момента, расстановка и соотношение сил на данном этапе ни в коей степени не препятствуют тенденции наших некоторых поэтов, с одной стороны, двигаться в сторону лирики, хотя, с другой стороны, у остальной некоторой части налицо тенденция явно недоучитывать значение этого жанра, признаком которого является тенденция, ведущая к организации эмоций пролетариата, явно отвечающая соотношению сил на данном этапе, грандиозному строительству и учитывающая социальные корни.

Тем большая опасность в стихотворении М. Лермонтова — «Выхожу один я на дорогу», в тех высказываниях, какие мы имеем на данном этапе в этом чрезвычайно субъективном талантливом произведении:

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит;
Ночь тиха. Пустыня внемлет богу,
И звезда с звездою говорит.

Если учесть категорию образов, которыми оперирует поэт, как-то: «один», «я», «пустыня», «бог» и прочие, не отвечающие нашей идеологии предикаты субъективно-идеалистического порядка, мы имеем налицо на данном

этапе величайшую опасность, ни в коей степени нас не устраивающую:

В небесах торжественно и чудно!
Спит земля в сияньи голубом...
Что же мне так больно и так трудно?
Жду ль чего? жалею ли о чем?
Уж не жду от жизни ничего я,
И не жаль мне прошлого ничуть;
Я ищу свободы и покоя!
Я б хотел забыться и заснуть!

Если нас полуустраивает констатирование сна земли в голубом сияньи и в большей степени устраивает отсутствие жалости к прошлому, доминантой которого явились эксплоататорские отношения, то ни в коем случае нас не устраивает неожидание от жизни ничего и хотение забыться и заснуть, как вреднейшее высказывание, тормозящее решение задач на данном этапе и тенденция чрезвычайно опасная, с которой мы явно будем драться, ибо доминирующие эмоции пассивно-субъективного порядка нас ни в коей мере не устраивают!

Нас не устраивает также и последующее псевдо-активное, с одной стороны, и пассивно-идеалистическое, с другой стороны, высказывание поэта:

Но не тем холодным сном могилы...
Я б желал навеки так уснуть,
Чтоб в груди дрожали жизни силы,
Чтоб дыша вздымалась тихо грудь.

Ибо констатирование, с одной стороны, холодного сна могилы, не стоящего на уровне задач, и с другой стороны, любви, не имею-

щей социальных корней на данном этапе расстановки и соотношения сил, ведет поэта по дороге, которая ни в коей степени не является нашей дорогой и может завести его в болото формализма, являющегося чрезвычайной опасностью на данном этапе!

К. ЗЕЛИНСКИЙ

КРЕМНИСТЫЙ ТУПИК

> Не воспрещу я стихотворцам
> Писать и чепуху и честь.
> Г. Державин.
> Санкт-Петербург. 1908 г.

Небезызвестный французский критик Жан Уазо в статье, напечатанной в журнале «Литератюр де Пари», с элегантной непринужденностью, свойственной галльскому характеру, писал: «Я не погрешу против истины, если уподоблю движение поэзии движению пешехода по проселочной дороге» («Литератюр де Пари», № 365, Апрель. 1-я полоса).

Энгельс в письме к Марксу (Письма. Соцэкгиз. 1931), говоря о познании различных форм движения, правильно сказал: «Самая простая форма движения—это перемена места».

В чем сущность движения?

Еще у Гераклита Эфесского (Фрагменты, Таблица 606), справедливо считающегося одним из ранних творцов диалектики, мы узнаем о пребывании всего сущего в вечном движении (пантарей).

То же с очаровательной, как правильно сказала бы В. М. Инбер, музыкальной интонацией выражает Шуберт: «В движении жизнь идет, в движеньи» (Музгиз. 1935).

В поэтической продукции прошлого мы черпаем богатый материал, свидетельствующий об этой перемене места во времени (Гегель).

Что это значит?

Уже Вл. Соловьев формулирует этот динамический акт терминами предтечи раннего символизма, смутно предчувствующего крушение феодализма под железной пятой торгового капитала:

В тумане утреннем неверными шагами
Я шел к таинственным и чудным берегам...

Акцентированной фразеологией декламационной интонации, перекликаясь с гамсуновскими бродягами, вторит ему Д. Мережковский:

По горам, среди ущелий темных,
Где ревет осенний ураган,
Шла в лесу толпа бродяг бездомных
К водам Ганга из далеких стран.
(Чтец-декламатор. С.-Петербург. 1908).

Сравните это с жаровским:

Шаги дробят весенний воздух звонко.
В сердцах готовность. По дорогам — май...

или с Безыменским:

Вышел, иду и знаю,
С кем и куда я иду... —

и вам станет ясно различие между сомнамбулической невнятицей мистических бардов и мажорной интонацией классовой громкости пролетарских поэтов.

В свете этих беглых цитат я позволю себе приступить к разбору стихотворения М. Лермонтова «Выхожу один я на дорогу».

Что характерно для эмоциональной окраски мелкобуржуазного сознания?

Еще Жан-Поль-Рихтер говорил, что одино-

чество души есть мерило величия личности (том 3-й. Стр. 543).

Помните, у Пушкина:

Ты царь. Живи один.
(А. Пушкин. ГИХЛ. 1934).

или у А. Блока:

И медленно, пройдя меж пьяными,
Всегда без спутников, одна,
Дыша духами и туманами,
Она садится у окна.
(А. Блок. Незнакомка. 2-е издание).

Лейт-мотив одиночества с элегической интонацией звучит и у Лермонтова.

Выхожу один я на дорогу;
Сквозь туман кремнистый путь блестит...
(М. Лермонтов. Полное собрание сочинений. ГИЗ. 1934 г. Издание 5-е. Стр. 40).

Меланхолическая картина культурного бездорожья ясна (любопытно сравнить с дорожным строительством хотя бы Чувашской республики!). И напрасно Лермонтов пытается прикрыть его иллюзорным утверждением свободы. Этот наивный волюнтаризм не заполнит социальной пустоты поэта.

Над этим ситуативным положением стоит задуматься всем, кого забвение классового резонанса толкает на кремнистый путь мелкобуржуазной обреченности и, как правильно сказал Н. Я. Марр — создатель яфетидологии, приводит в тупик солипсизма.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ АДЕЛАИДЫ ЮРЬЕВНЫ МИЛОСЛАВСКОЙ-ГРАЦИЕВИЧ

Под редакцией Корнеплодия Чубуковского.

От редактора:

Автор воспоминаний Аделаида Юрьевна Милославская — вдова поручика артиллерии Иоаникия Степановича Грациевич, умершего в конце прошлого столетия от крупозного воспаления легких.

Воспоминания Милославской-Грациевич рисуют яркую картину тех тусклых условий, среди которых приходилось жить и бороться поколению людей конца прошлого столетия.

В заключение считаем долгом выразить глубочайшую благодарность Матильде Иоаникиевне Грациевич-Сидоровой за любезно представленную метрическую выпись автора воспоминаний.

Корнеплодий Чубуковский

I

Прадед. Прабабка. Дед. Бабушка. Братья прадеда. Сестры прадеда. Братья деда. Сестры деда. Отец. Мать. Братья и сестры отца. Дядя. Тетя. Переезд в Березкино. День ангела деда.

Прадед мой Мстислав Иоаннович Милославский был женат на Елизавете Петровне, урожденной Кочубеевой, и от их брака появились дети: Алексей, Юрий, Сергей, Рости-

слав, Митрофан, Василий, Анна, Мария и Марфа.

Алексей вскоре умер. Ростислав, Митрофан, Мария и Анна также умерли в раннем возрасте.

Из оставшихся в живых — Юрий Мстиславович женился на Анне Иоанновне, урожденной Загорской, которая умерла, оставив ему детей: Аделаиду, Петра, Юрия, Алексея и Евангелину.

Братья прадеда Святополк и Ананий вышли в отставку: первый — в чине генерал-майора, второй — полковника. Вячеслав же умер от воспаления слепой кишки.

Что касается сестер, то они умерли в преклонном возрасте.

Братья деда моего — Степан и Василий и сестры — Евдоксия, Степанида и Агния переехали в Рязанскую губернию, где до самой смерти занимались рукоделием и сельским хозяйством.

После болезни дяди Вани и скоропостижной кончины тети Мани мы переехали в Березкино, где справляли день ангела дедушки, который и умер немного погодя от грудной жабы.

II

Замужество. Знакомство с Пушкиным, Гоголем, Грибоедовым. Иван Иванович Трубадуров. Смерть мужа. Переезд в Петербург. Гончаров. Толстоевский. Тынянов. Лев Толстой.

По смерти дедушки я вскоре познакомилась с моим будущим мужем — Иоаникием Степановичем Грациевич.

Отец его Степан Иоаникиевич Грациевич был женат на Федоре Максимилиановне, урожденной Святополковой, умершей от родов и оставившей детей: Иоаникия, Акилину, Димитрия и близнецов: Анания, Азария и Мисаила.

Муж мой, будучи в чине поручика артиллерии, любил литературу и познакомил меня с произведениями Александра Сергеевича Пушкина, Николая Васильевича Гоголя и Александра Сергеевича Грибоедова.

Бессмертную комедию «Горе от ума» читывал нам вслух сосед наш Иван Иванович Трубадуров, женатый на дочери нашего духовника, умершего от рака печени.

Вскоре скончался и муж мой от заворота кишек, поев горячего хлеба.

Оставшись вдовой, я решила посвятить себя литературным воспоминаниям, для чего переехала в Петербург.

Во втором томе своих воспоминаний я расскажу о знакомстве с Гончаровым, Толстоевским и Тыняновым.

А сейчас, вспоминая и оглядываясь на пройденный путь, не могу не воскликнуть словами нашего великого писателя земли русской Льва Николаевича Толстого, женатого на Софье Андреевне:

«Счастливая, невозвратная пора — детство».

Счастливая эпоха, в которой мне довелось жить и бороться!

4 Н. 5236

РАСПРОСТРАНЕННЫЙ ВИД РЕЦЕНЗИИ

ЭТАПЫ И ПЕРИОДЫ

(Биография поэта)

Творчество Алексея Приходько (род. в 1906 г.), недооцененное нами в нашей майской статье текущего года и переоцененное в июльской статье этого же года, можно разделить на ряд этапов и периодов. В предыдущем периоде над поэтом еще тяготеют мелкопоместный эротизм и урбанистический схематизм:

«Люблю тебя и в частности и в целом».
(1926 г.)

и

«Я живу на пятом этаже».
(1926 г.)

В последующий период поэт хотя не отрывается, но уже отходит от эмоций и интонаций предыдущего периода, временами скатываясь в биологизм и обнаруживая колебания покачнувшегося солипсиста.

«Я не люблю тебя ни в частности ни в целом».
(1926 г.)

и

«Я жить хочу в лесу и в поле,
Как птица, петь и ликовать».
(1927 г.)

Дальнейший этап проходит под знаком перелома. Поэт порывает с предыдущим этапом и вступает в новый.

«Я жить хочу не в поле, а в коттедже».
(1927 г.)

«Люблю тебя, когда в гудках завода,
В биенье дня встаешь ты предо мной».
(1928 г.)

В 1930 году поэт еще не стоит на правильном пути, но уже приближается.

Вот почему он отрывается от мелкопоместных эмоций и интонаций (1932 г.), но подняться ему мешают неполноценность, субъективизм и стилизованный натурализм. И только на последнем этапе (1933 г.) ему удается, хотя и не в полной мере, порвать и примкнуть.

«Хочу переменить свое лицо».
(1934 г.)

В нынешний период поэт еще живет и работает. Вот почему мы не можем окончательно оценить и подытожить этапы и периоды его творчества. Но мы надеемся, что обнаруживаемые им на данном этапе эмоции и интонации двинут его развитие вперед и поднимут на еще более высокий уровень, что позволит нам, в свою очередь, произвести новую переоценку наших прежних оценок, сообразуясь с ситуацией последнего периода его творчества.

М. ЛИФШИЦ

ФИЛОСОФЕМЫ И РАССУЖДЕНИЯ

(К 200-летию Иогана Брудершафта)

Иоган-Ульрих Брудершафт родился примерно в первой половине начала второй четверти позапрошлого столетия. Значительно позже вышел его капитальный труд «Гармония прекрасного». Влияние этой книги на дальнейшее не было показано с исчерпывающей глубиной до пишущего эти строки. Тем приятней восполнить этот исторический пробел.

Уже Герцлих фон Мерц в полемике с Зильбербергом упрекал последнего в отсутствии правильных установок. Позднее Анри де Дюа, разоблачая схоластов и вульгарных социологов типа Сульфиция-младшего, выдвинул принцип, обратный утверждениям последнего. Последующие эпохи мало осветили этот столь важный вопрос. Высказывания Гегеля были значительно позже. Даже у такого мало известного мыслителя, как Арчибальд Фредж, ярого поклонника Зигфрида Зимершвелле, нет прямых указаний на истинное понимание. У Гете и Дидро оно обнаруживается в большей степени. Герц Фон Мерцлих в дальнейшем выдвинет ряд проблем, которые позже подвергнутся уничтожающей критике. Яков Кранке и Жан де ла Тюр в своих трактатах попытаются утверждать принцип гармонии, против чего значительно позже ополчится Ганс Обер-

бург. На этом фоне выделится совершенно правильный взгляд Маркса.

Только наша эпоха позволяет, благодаря автору этих строк, правильно и понятно, несмотря на столь отдаленную от нашей ту эпоху, разъяснить значение наследия Иогана Брудершафта и его влияние на последующие эпохи.

П. РОЖКОВ

ЕСТЬ ЛИ У НАС КРИТИКИ?

Как известно, время от времени в наших журналах появляются критические статьи. Стало быть, критики у нас имеются. Однако для диалектически мыслящего марксиста недостаточно констатировать этот факт, но следует подвергнуть его подробному анализу.

Итак, как я уже доказал, критики у нас есть. Но что это за критики? Начнем, как полагается, с недоброй памяти рапповских монстров. Их злопыхательские теории и теорийки, в плену которых они находились, общеизвестны. Общеизвестно, что и теперь некоторые рапповские наследнички нахальным образом продолжают быть в плену своих бесславных предшественников. Далее. Возьмем хотя бы критиков А., Б., В. Общеизвестно, что эти горе-диалектики ни уха, ни рыла не смыслят в марксизме. То же следует сказать и о критиках Г., Д., Е., Ж., З. Недалеко от них ушли критики И., К., Л.,— эти гнусные эклектики и эмпирики (более подробный анализ смотри в моих статьях в №№ «Нового мира» за 1934 г.). Вульгарные социологи М., Н., О., П., Р. разоблачены и заклеймены мною в моих прежних статьях (смотри №№ «Нового мира» за первую половину 1935 г.), и я не буду останавливаться на них, так же, как и на критиках

С., Т., У.— этих лжемарксистах, прозябающих в плену абстрактных схем и идеалистических концепций. Развернутую критику этих «критиков» я дал в моих статьях в №№ «Нового мира» за вторую половину 1934-1935 г. О критиках Ф., Х., Ц., Ч. и т. д. можно и не говорить. Общеизвестно, что эти псевдомарксисты, претендующие на научность, не более как помесь вульгарных социологов с эклектиками и смыслят в диалектике, как некое домашнее животное в ананасах.

Подведем итоги. Итак, стало быть, я доказал, что у нас критики имеются, что эти критики:

а) рапповские наследнички, пребывающие и по сие время в плену;

б) горе-диалектики, не смыслящие ни уха, ни рыла;

в) гнусные эклектики:

г) гнусные эмпирики;

д) наиболее гнусные вульгарные социологи;

е) прозябающие в плену;

ж) помесь тех и других;

з) прочие.

Все вышесказанное очень важно и значительно. Это общеизвестно. Поэтому я не ограничиваюсь данной статьей и в дальнейшем еще вернусь к затронутым мною темам. (Смотри мои статьи в №№ «Нового мира» за 1934, 35 и 36 годы, также в будущем и последующие за ним годы).

ОТИКИ

ПОЭТЫ

Д. АЛТАУЗЕН

ПЛАНШАЙБА
(Отрывок из поэмы)

Ударник,
Друг!
Тебе —
Литература!
Иди
И
Пой
Инду-
стриальный
Класс!
Пускай
Звенит
Стихов
Фио-
ритура!
Пускай
Гудит
Романсов
Контрабас!

Прощупай
Пульс!
Сто
Пятьдесят
Ударов!
Стихи
Текут

Длиннее
Длинных
Рек!
И
Ты
Пиши
Не
Так,
Как
Пишет
Жаров!
Учись
Писать,
Как
Пишет
Старый
Джек!

Друзья!
Мои!
Юнцы!
Ребята!
Парни!
Кому
Сегодня
Только
Надцать
Лет!
Стекольщик!
Столяр!
Вообще
Ударник!
Моей
Поэзии
Вручаю

Вам
Кларнет!
Довольно
Клятв!
Пойдем
Отныне
Вместе!
Ударник,
Друг!
Клянусь!
Клянусь
Тебе!
В моем
Тысяче-
строчном
Мани-
фесте
Указан
Путь
К план-
шайбам
И
Борьбе!!

П. АНТОКОЛЬСКИЙ

ПОЭТ

Мать моя меня рожала туго.
Дождь скулил, и град полосовал.
Гром гремел. Справляла шабаш вьюга.
Жуть была, что надо. Завывал
Хор мегер, горгон, эриний, фурий,
Всех стихий полночный персимфанс,
Лысых ведьм контрданс на партитуре.
И, водой со всех сторон подмочен,
Был я зол и очень озабочен
И с проклятьем прекратил сеанс.
И пошел я, мокрый, по Брабанту,
По дороге вешая собак.
Постучался в двери к консультанту
И сказал, поклон отвесив, так:
— Жизнь моя — комедия и драма,
Рампы свет и пукля парика.
Доннерветтер! Отвечайте прямо.
Не валяйте, сударь, дурака!
Что там рассусоливать и мямлить,
Извиняться за ночной приход!
Перед вами Гулливер и Гамлет.
Сударь, перед вами Дон Кихот!
Я ландскнехтом жрал и куралесил,
Был шутом у Павла и Петра.
Чорт возьми! Какую из профессий
Выбрать мне, по-вашему, пора?

И ответил консультант поспешно,
Отодвинув письменный прибор:
— Кто же возражает? Да. Конечно.
Я не спорю. Вы — большой актер.
Но не брезгуйте моим советом —
Пробирайтесь, гражданин, в верхи.
Почему бы вам не стать поэтом
И не сесть немедля за стихи?—
Внял я предложенью консультанта.
Прошлое! На смарку! И на слом!
Родовыми схватками таланта
Я взыграл за письменным столом.
И пошла писать... Стихи — пустяк.
Скачка рифм через барьер помарок.
Лихорадка слов. Свечи огарок.
Строк шеренги под шрапнелью клякс
Как писал я! Как ломались перья!
Как меня во весь карьер несло!
Всеми фибрами познал теперь я,
Что во мне поэта ремесло.
И когда уже чернил не стало
И стихиям делалось невмочь,—
Наползало. Лопалось. Светало.
Было утро. Полдень. Вечер. Ночь.

Н. АСЕЕВ

МОЛОДЯНЕ

Что же мы,
где же мы?
Неужто жить
невежами?
Неужто быть
не свежими,
Не прыгать в высь?
Неужто мы не юноши?
А ну-ка, разом сплюнувши
На лысины и проседи,
становись!
Без вычурности,
ячества
Покажемте-ка
качество,
Тир-лим-пом-пом,
покажемте-ка
В спорте класс.
А ну, нажмем
на мычество,
Наляжем
на количество,
Чтоб розовая
молодость
Из пор
текла.

5 и. 4236

Неужто накрепь
врыты мы
Седыми и небритыми?
Неужто наши
бицепсы —
Уйди — уйди?
А, ну-ка, диафрагмою
Нажмем на песню
храбрую.
А ну-ка,
басом-дискантом
Запев ряди.
Чтоб звуки были
искренни,
Мажорны и не
выспренни,
Выпархивали
искрами
Из всех грудей.
А ну-те,
ну-ка,
ну-те-ка,
Без зашея
и прутика,
Без ноканья
и кнутика
Мо-ло-дей!

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

ПРОРЫВНАЯ-КОЛЫБЕЛЬНАЯ

**С грязью каверзной воюя,
Песню новую спою я.
Дорогой станочек мой,
Не хочу итти домой.
(А. Безыменский.
„Песня у станка")**

Спи, станочек, мой сынок,
Спи сыночек мой, станок.

Песню новую спою,
Баю-баюшки-баю.

Мой станочек дорогой,
Что ты дрыгаешь ногой!

Головы нам не морочь!
Уходи, прогульщик, прочь.

Ты, ударник, приходи,
Мой станочек разбуди.

Мой станочек чист, красив
Ликвидирует прорыв.

Ты мой мальчик, ты мой пай,
Промфинпланчик выполняй.

Баю-баюшки-баю,
Баю детоньку мою.

А. БЕЗЫМЕНСКИЙ

АХ, ЗАЧЕМ ЭТА НОЧЬ...

„Перо. Чернила. Лист бумаги.
Строка: „Обкому ВКП..."
(А. Безыменский.
„Ночь начальника политотдела").

1

Пол. Потолок. Четыре стены.
А если правильно — стены.
Стол. Стул. Окошко. Свет Селены,
А по-колхозному — луны.
Ночь. Небо. Звезды. Папка «Дело».
Затылок. Два плеча. Спина.
И это значит — у окна
Мечтает начполитотдела.

2

Сколько в Республике нашей чудес!
Сеялки,
веялки,
загсы,
косилки.
ГИХЛ
МТП,
МКХ,
МТС,
Тысячи книг —
в переплетах и без,
Фабрики-кухни,
тарелки и вилки.
Сотни поэм
и километры строк.

Сядем, товарищи,
                    если не ляжем,
Ночь понеспим,
                    а поэта уважим,
Притчи послушаем,
                    перерасскажем,
Выполним бодро
                    нелегкий оброк.

3

Ах, зачем эта ночь
Так была коротка.
Эту ночь я непрочь
Растянуть на века.

4

Хорошо любить жену
И гитарную струну,
Маму, папу, тетю,— ну,
И Советскую страну.

Хорошо писать стихи
О кремации сохи,
Выкорчевывать грехи,
Тещи, свекра и снохи.

Ты строчи, строчи, рука,
За строкой лети, строка.
Для поэта ночь легка,
Для поэмы — коротка.

5

Хорошо теперь поспать бы,
Но нельзя сегодня спать.
Напоследок справим свадьбы,
А потом заснем на-ять.

До утра плясать мы будем,
Выполняя свадьбы план.
Две гитары, буйный бубен,
Балалайка, барабан,
Мандолина и фанфара,
Три гармони и дуда.
И пошла за парой пара
Рать колхозного труда.
Гром великого оркестра
Раздается под луной.
Льются звуки румбы «Фьеста»,
Звуки польки неземной.

6

Начполит, скрывать не стану,
В честь невесты и родни
Выпил рюмочку нарзану,
Ну, а кроме — ни-ни-ни...

7

Трудодни!
          Трудодни!
                    Трудодни!
                              Трудодни!

8

Да. Поэма — вещь серьезная.
Призадуматься велит...

9

Только знает ночь колхозная,
Как мечтает начполит!

М. ГОЛОДНЫЙ

АВТОМОСТ

Ежедневно меня баламутит
Мой ни с чем не сравнимый стих.
Он родился со мной в Бахмуте,
Я — во-первых,
Он — во-вторых.

И поэтому он мне дорог
С той поры,
Как мать родила.
Но развитию Автодора
Не слова нужны, а дела.

Почему не заняться делом
И найти подходящий пост?
И решил я—
В общем и целом —
Превратиться
В рифмованный мост.

Не хотитца ли вам пройтитца?
Интересно, чорт подери!
Вот проходят по мне девицы —
Мани, Маши, Маруси, Мари.

Я лежу умиленный, кроткий,
Давят ребра мне каблуки,
И от медленной их проходки
На щеках у меня синяки.

Я лежу и подошвы считаю
Всех поэтов, идущих по мне,
И, рифмично скрипя, мечтаю
О конях и гражданской войне.

Лошадиный и пешеходный
Не дает мне покоя стук.
И с тобою, мой стих голодный,
Мы прости-и-имся на-а мо-осту-у-у.

А. ЖАРОВ

МАГДАЛИНИАДА

Мне снится, снится, снится,
Мне снится чюдный сон —
Шикарная девица
Евангельских времен.
Не женщина — малина,
Шедевр на полотне —
Маруся Магдалина,
Раздетая вполне.
Мой помутился разум,
И я, впадая в транс,
Спел под гармонь с экстазом
Чувствительный романс.
Пускай тебя нахалы
Ругают, не любя,—
Маруся из Магдалы,
Я втюрился в тебя!
Умчимся, дорогая
Любовница моя,
Туда, где жизнь другая,—
В советские края.
И там, в стране мятежной,
Сгибая дивный стан,
Научишь страсти нежной
Рабочих и крестьян.
И там, под громы маршей,
В сияньи чюдном дня,

Отличной секретаршей
Ты будешь у меня.
Любовь пронзает пятки.
Я страстью весь вскипел.
Братишечки! Ребятки!
Я прямо опупел!
Я, словно сахар, таю,
Свой юный пыл кляня...
Ах, что же я болтаю!
Держите вы меня!

ВЕРА ИНБЕР

ЗАЯЦ И СЛОНИХА

Слушай, милый мальчик,
Слушай, тихо-тихо.
Жил однажды зайчик,
И жила слониха.

И случилось горе,
Страсть приводит к лиху,
Серый заяц вскоре
Полюбил слониху.

От любви терзаясь,
Меланхольный, грустный,
Сохнет бедный заяц,
Словно лист капустный.

Сердце тает льдинкой.
Как шепнуть на ушко,
Если он — дробинка,
А слониха — пушка?

Как в любви до гроба
Зайчику излиться?
Разве влезть на хобот
Да и удавиться?

Я пишу без фальши,
Правду сочиняю.
Что случилось дальше,
Я сама не знаю.

В. КАЗИН

ОКТЯБРИНЫ

Плывут, звеня весенним звоном, льдины,
И вторит им души моей трезвон.
Сегодня утром был я приглашен
И вечером пойду на октябрины.

Жизнь без детей для многих очень тяжка
И страшна, как любовная тоска,
Но мой любимый дядюшка — портняжка
Семен Сергеич — произвел сынка.

Ах, дядюшка! Какие только штуки,
Придя ко мне, не вытворяет он!
То вдруг мои разглаживает брюки,
То из бутылки тянет самогон.

Ах, дядюшка! Но вы его поймете
И не осудите профессии недуг,
Тем более, что очень часто тетя
Озлясь швыряет в дядюшку утюг.

Плывут, звеня весенним звоном, льдины,
И вторит им души моей трезвон.
Сегодня утром был я приглашен
И вечером пойду на октябрины.

В. КАМЕНСКИЙ

ШАРАБАРЬ, ЕМЕЛЯ

Ой да то, да се,
Да по Каме-реке
Плы-и-вет Васек,
Гармонь на боке.

Ой да ой, да охоньки,
Я ль не юбилехонький.
Ох да ах, да ошеньки,
Гряну на гармошеньке.

Ой, ядреный денек!
Ох, присяду на пенек!

Ой, рвану меха —
Баян тянется.
Поперек стиха
Емельянится.

Эй, дуй, пляши
Всех колен сорта!
Бардадым! Якши!
Впрямь для экспорта.

Вдоль по Камушке, по Каме
Шевели сапог носками.

В шароварах плисовых
Шарабарь! Выписывай!

Эй, играй, приплясывай
До поры бесклассовой!
Го-го!

С. КИРСАНОВ

АЛЭ-ОП!

Торжествуя,
зычные
Гудки
ре-вут.
Ударники
фабричные,
Вас
зовут.
И я зову:
Асэ-е-ву!
Пролэтэр
в литэратэр
Эсэсээр!
Прежних дней
каркасики
Сданы
в ар-хив.
Маститые
классики
В пыли —
ап-чхи!
Я им
могилу
вырою —
Пожалте
в гроб!

Я рифмами
жонглирую —
Алэ-оп!
Вверх —
вниз,
Вниз —
вверх.
За-
ткнись,
Гу-
вэр!
Гувэр! за-
ткнись!
Со-
ци-
а-
лизм!

В. ЛУГОВСКОЙ

СУХОЖИЛИЕ

1

Товарищи!
Хорошая ли, плохая ли
На дворе погода, дело не в этом.
Товарищи! Главное, чтоб критики не охаяли
И признали меня молодым поэтом.
Мне двадцать шесть. Я пишу со скрипом,
Так тверда бумага и чернила густы.
Товарищи! Мое поколенье не липа,
Оно занимает высокие посты.
Мое поколение, говорю не хвастая,
Зубные врачи, монтеры, мастера,
Мое поколение, ужасно очкастое,
Костистое, сухожильное, ура-ура!
Сегодня мобилизовать в поход решили мы
Опухоли бицепсов на фронт труда.
Мозги проколоты сапожными шилами.
Товарищи! Это, конечно, не беда.
Пусть дышат они широкими порами.
Но если опять задуют ветра,
Мы ринемся ассирийцами, египтянами, айсорами
С учетными книжками, ура-ура!

2

И так сочиняются ритмы и метры.
Про ветры и гетры и снова про ветры.
Как ветер, лечу я на броневике
С винтовкою, саблей и бомбой в руке.

И голосом зычным поэмы слагаю
На зло юнкерью и на зло Улагаю.
То ямбом, то дактилем, то анапестом,
Наотмашь, в клочья, с грохотом, треском.
От первой строки до последней строки
Ветер играет в четыре руки.
Талант, говорят,
Кентавр, говорят,
Не глаза, говорят.
Фонари горят.
Ветер крепчает. В груди весна.
Строфы разворочены. Мать честна!
Эх, жить на-чеку
Молодым парнишкой.
Пулемет на боку,
Маузер подмышкой.
До чего ж я хорош —
Молодой да быстрый.
Под папахой вьется клеш,
Да эх, конструктивистский.
Ветер, стой! Смирно! Равняйсь!
На первый-второй рассчитайсь!
Кончается строчка.
Стоп!
Точка!

ОТКРЫТИЕ АМЕРИКИ

Пропер океаном.
Приехал.
Стоп!
Открыл Америку
В Нью-Йорке
на крыше.
Сверху смотрю —
это ж наш Конотоп!
Только в тысячу раз
шире и выше.
Городишко,
конечно,
Москвы хужей.
Нет Госиздата —
все банки да баночки.
Дома,
доложу вам,
по сто этажей.
Фокстротируют.
американочки.
А мне
на них
свысока
наплевать.
Известное дело —
буржуйская лавочка.

Плюну раз —
    мамочка-мать!
Плюну другой —
    мать моя, мамочка!
Танцуют буржуи
    и хоть бы хны.
Видать, не привыкли
    к гостю московскому.
У меня
    уже
        не хватило
            слюны.
Шлите почтой.
    Нью-Йорк — Маяковскому.

И. МОЛЧАНОВ

1. ТУФЛИ (1928)

Сядь со мною, друг бесценный,
Опусти свой пышный стан
На широкий довоенный
Мягкий плюшевый диван.

Время дымкой голубою
Проплывает у окна.
Ты да я, да мы с тобою.
Безмятежность. Тишина.

Дай мне ротик, дай мне глазки,
Нежный личика овал.
Может, я для этой ласки
Крррровь на фронте проливал!

Может, плавал я во флоте,
Был в баталиях морских,
Чтобы в розовом капоте
Ты мне штопала носки.

Чтоб на кухне баритоном
Пел нам примус-балагур.
Чтоб над нами цвел пионом
Полнокровный абажур.

Чтобы счастьем мы набухли
На крутой, высокий лад...
Дорогая, дай мне туфли,
Дай мне стеганый халат!

2. ТРАКТОР (1931)

Закипает
жизнь
другая.
Вьется
песня —
пенный
вал.
Отодвинься, дорогая.
Я сегодня
юн и ал.
К чорту ротик!
Я зеваю.
Не садись
к плечу плечом.
Может, я переживаю —
Может, думаю о чем!
Я пылаю
жарким
пылом,
Сердцу тон
высокий дан.
Полотенце, бритву, мыло
Положи мне
в чемодан.
Приготовь
табак и трубку,
Без нее я глух и нем.

Не забудь
    и рифморубку
Для писания поэм,
Чтобы песня закипела,
Чтоб гудели
    провода,
Чтобы лозунгами пела
В радиаторе
    вода,
Чтобы жечь прорыв и браки
Песней пылкой
    и густой,
Восклицательные знаки
Чтобы стали
    в строй крутой.
Я пою
    широким трактом
На крутой,
    высокий
        лад.
Дорогая,
    дай мне
        трактор,
Дай мне
    кожаный халат!

А. ПРОКОФЬЕВ

БРАТЕННИКИ

Душа моя играет, душа моя поет,
А мне товарищ Пушкин руки не подает.
Александр Сергеич, брось, не форси,
Али ты, братенник, сердишьси?
Чего ж ты мне, тезка, руки не подаешь?
Чего ж ты, майна-вира, погреться не идешь?
Остудно без шапки на холоде стоять.
Эх, мать, моя Эпоха, высокая Оять?
Наддали мы жару, эх! на холоду,
Как резали буржуев в семнадцатом году.
Выпустили с гадов крутые потроха.
Эх, Пиргал-Митала, тальянкины меха!
Ой, тырли-бутырли, эх, над Невой!
Курчавый братенник качает головой.
Отчаянный классик, парень в доску свой,
Александр Сергеич кивает головой.
Душа моя играет, душа моя поет.
Мне братенник Пушкин руку подает!

ПАВЕЛ РАДИМОВ

СМОРКАНИЕ

Ныне, о муза, воспой иерея — отца Ипполита,
Поп знаменитый зело, первый в деревне сморкач.
Утром, восставши от сна, попадью на перине покинув,
На образа помолясь, выйдет сморкаться на двор.
Правую руку подняв, растопыривши веером пальцы,
Нос волосатый зажмет, голову набок склонив,
Левою свистнет ноздрей, а затем, пропустивши цезуру,
Правой ноздрею свистит, левую руку подняв.
Далее под носом он указательным пальцем проводит.
Эх, до чего ж хорошо! Так и сморкался б весь день.
Закукарекал петух, завизжали в грязи поросята,
Бык заревел и в гробу перевернулся Гомер.

М. СВЕТЛОВ

ЛИРИЧЕСКИЙ СОН

Я видел сегодня
Лирический сон
И сном этим странным
Весьма поражен.
Серьезное дело
Поручено мне:
Давлю сапогами
Клопов на стене.
Большая работа,
Высокая честь,
Когда под рукой
Насекомые есть.
Клопиные трупы
Усеяли пол.
Вдруг дверь отворилась,
И Гейне вошел.
Талантливый малый,
Немецкий поэт.
Вошел и сказал он:
— Светлову привет!
Я прыгнул с кровати
И шаркнул ногой:
— Садитесь, пожалуйста,
Мой дорогой!
Присядьте, прошу вас,
На эту тахту,

Стихи и поэмы
Сейчас вам прочту!..—
Гляжу я на гостя,—
Он бел, как стена,
И с ужасом шепчет:
— Спасибо, не на...—
Да, Гейне воскликнул:
— Товарищ Светлов!
Не надо, не надо,
Не надо стихов!

ЙЕХАЛИ ДА ЙЕХАЛИ

Йѐхали ды ко́нстры, йѐхали ды мо́нстры
Инберы-Ви́нберы губы по́ чуба́м.
Йѐхали коһо̀нстры па лугу па вско̀му
Выверчѐнным шляхом чѐрѐз Зиф в Го́сиздáт.

А по-а̀-середке ба́тько Селэвынский.
В окуляры зиркает атама̀н Илья:
— Гэй, ну-тэ, хло́пцы, а́ куды Зэлиньский
А куды да куд-куды вин за̀гина̀е шлях?

Га̀йда-адуйда, гэйда, уля-лай-да
Барысо агапа̀йда ды эл-цэ-ка́.
Гей, вы коня-аги биз? несы а̀см? усы!
Ло́кали-за цо́кали-за го́-па́-ка̀!

Йехали ды ко̀нстры, йехали ды монстры,
А бузук Володь!ика та за̀да̀л дра̀п.
Шата̀ли-си, мотали-си, в сторону подда̀ли-си,
Мурун-дук по тылици и-а̀йда̀ в Рапп!

А. СУРКОВ

ВОЙНА

Поэты, стройся! Рассчитай-сь
На первый и второй!
Стихов шрапнелью рассыпайсь.
Халтуру беглым крой!

Ручной гранатой бей врагов,
Снарядами кроши!
Уже в обойме нет стихов?
За пулемет! Пиши!

И помни ясно и вполне,
Что в тучах горизонт,
Что на войне, как на войне,
И вообще — Рот-фронт!

И. УТКИН

О РЫЖЕМ АБРАШЕ И СТРОГОМ РЕДАКТОРЕ

И Моня и Сема кушали.
А чем он хуже других?
Так что трещали заушины,
Абраша ел за двоих.
Судьба сыграла историю,
Подсыпала чепухи:
Прочили в консерваторию,
А он засел за стихи.
Так что же? Прикажете бросить?
Нет — так нет.
И Абрам, несмотря на осень,
Писал о весне сонет.
Поэзия — солнце на выгоне,
Это же надо понять,
Но папаша кричал:
— Мишигенер![1]—
— Цудрейтер![2]—
Кричала мать.
Сколько бумаги испорчено!
Сколько ночей без сна!
Абрашу стихами корчило.
Еще бы,
Весна!

---

[1] Сумасшедший.
[2] Ненормальный.

Счастье — оно как трактор,
Счастье не для ворон.
Стол.
За столом редактор
Кричит в телефон.
Ой, какой он сердитый!
Боже ты мой!
Сердце, в груди не стучи ты,
Лучше сбежим домой.
Но дом — это кино-драма,
Это же иомкипур! [1]
И Абраша редактору прямо
Сунул стихов стопу.
И редактор крикнул кукушкой:
— Что такое? Поэт?
Так из вас не получится Пушкин!
Стихи — нет!
Так что же? Прикажете плакать?
Нет — так нет.
И Абрам, проклиная слякоть,
Прослезился в жилет.
Но стихи есть фактор,
Как еда и свет.
— Нет, — сказал редактор.
— Да, — сказал поэт.
Сердце, будь упрямо,
Плюнь на всех врагов.
Жизнь — сплошная драма,
Если нет стихов.
Сколько нужно рифм им?
Сколько нужно слов?
Только б сшить тахрихим [2]
Для редакторов!

[1] Судный день.
[2] Саван.

7 Н. 5236

И. УТКИН

«ПОСТОЯНСТВО»

Песни юности слагая,
Весь красивый и тугой,
Восклицал я: дорогая!
Ты шептала: дорогой!
Критик нас пугал ругая,
Ну, а мы — ни в зуб ногой.
Восклицал я: дорогая!
Ты шептала: дорогой!
Передышки избегая,
Дни, декады, год, другой
Восклицал я: дорогая!
Ты шептала: дорогой!
От любви изнемогая,
Ждем — придет конец благой.
Я воскликну: дорогая!
Ты шепнешь мне: дорогой!
И попросим попугая
Быть понятливым слугой,
Чтоб кричал он помогая:
— Дорогая! Дорогой!

Дм. ПЕТРОВСКИЙ

Я И ЛЕРМОНТОВ

Я знаю, что Аз
Вначале, не Бе...
Дм. Петровский

Я знаю, что Аз
В обнимку с Мишелем
В лезгинке Кавказ
И шашлык по ущельям.

Печальный демон, дух изгнанья,
Пьет чихирь, жует жиго.
Стихи роскошного изданья
Обвалом брошу на него.

Напиток недопитый вылит,
Строфа долетела в духан,
И ею сраженный навылет
Под буркой лежит бездыхан.

Поэт, ты сегодня в ударе.
Казбека свисают усы.
Дарьяльским кинжалом Тамаре
Навылет срезают власы.

И вот опять, как век спустя,
Лица мишень.
Я у поручика в гостях:
— Бонжур, Мишель!

Взорвавшись Тереком в стволе,
Ему, не всем,

Кричу, пришпоренный к скале,
Слова поэм.

Но даже он средь скал-папах,
Средь гор в чалме,
Не понимал в моих стихах
Ни Бе, ни Ме.

И. СЕЛЬВИНСКИЙ

ПРИКЛЮЧЕНИЕ В АРКТИКЕ

(Рассказ полярника)

Ищу на полюсе жилья.
Вдруг вижу — айсберг исполинский,
А наверху стоит Илья
Та-та-та-та-та-та Сельвинский.

Товарищ,— кричу,— замерзнешь! Брось!
Гости к тебе — я и медведица.
А он торчит, как земная ось,
И не желает к нам присоседиться.

Вижу — особые приглашения нужны.
Мигнул медведице — действуй.
И стащила она Илью за штаны.
Картина — прямо, как в детстве.

Поэт глядит холоднее льда:
— Здесь я вам вождь и начальник.
Ты (это мне) кипяти чайник,
А ты (медведице) слушай сюда.

И не глядя на то, что сердито ворчит она,
Начал ее стихами обчитывать.
Обчитывает час, обчитывает другой,
Перешел без передышки на третий.

Медведица взвыла:— Пощади, дорогой.
У меня же муж и малые дети.

Лучше взведи,— говорит,— курок
И всади мне пулю меж ребер,
Чем всаживать девять тысяч строк...
Илья нахмурился:— Добре.

Поэтическую отсталость твою отметим,
Ты, видно, и в детстве мещанкой была.
Катись-ка, матушка, к мужу и детям,
Пока у тебя шкура цела.

Полетела медведица пулей — жжжу!
Только и видели ее в тумане.
А я в ознобе сижу и дрожу:
Сейчас меня обчитывать станет.

Но, видно, гнев взял перевес
Или долго нельзя кипеть на морозе,—
Смотрю, Илья на айсберг полез
И опять вверху в поэтической позе.

Так и стоит он — in Mund Solus
И будет стоять до того момента,
Пока не использует Северный полюс
На все сто и четыре процента.

ПЕРЕЦ МАРКИШ

ЗАПЕВ

(Отрывок из вступления к поэме)

Сквозь строй и млечные системы,
К протуберанцам солнц пути преодолев,
Для пламенной космической поэмы
Я отыскал неслыханный запев.

Вселенский хор гремит в надкрайности сверхзвездной
Превыше хладных лун и сказочных планет,
И мировой аккорд плывет над звучной бездной
В спиралях круговых стремительных комет.

Отверзлось все очам, что прежде было тайной,
И в грудь мою проник пылающий мажор.
В спиралях мировых, в сверхзвездности надкрайной
Аккордом мировым гремит вселенский хор.

Сквозь строй бездонных бездн и млечные системы
К протуберанцам солнц пути преодолев,
Для пламенной неслыханной поэмы
Я отыскал космический запев.

Б. ПАСТЕРНАК

СРОКИ

> Народ, как дом без кром...
> . . . .
> Ты без него ничто.
> Он, как свое изделье,
> Кладет под долото
> Твои мечты и цели.
> (Б. Пастернак. Из летних записок).

На даче ночь. В трюмо
Сквозь дождь играют Брамса.
Я весь навзрыд промок.
Сожмусь в комок. Не сдамся.

На даче дождь. Разбой
Стихий, свистков и выжиг.
Эпоха, я тобой,
Как прачкой, буду выжат.

Ты душу мне потом
Надавишь, как пипетку.
Расширишь долотом
Мою грудную клетку.

Когда ремонт груди
Закончится в опросах,
Не стану разводить
Турусы на колесах.

Скажу, как на духу,
К тугому уху свесясь,
Что к внятному стиху
Приду лет через десять.

Не буду бить в набат,
Не поглядевши в святцы,

Куда ведет судьба,
Пойму лет через двадцать.

И под конец, узнав,
Что я уже не в шорах,
Я сдамся тем, кто прав,
Лет, видно, через сорок.

ДЕТСКОЕ

МИХАЛКОВ
МЫ С ПРИЯТЕ-
ЛЕМ ВДВОЕМ.
С ДВУХ ДО ПЯТИ
РАССЕЯНН
С
УЛИЦЫ
БАССЕЙНОЙ
РЕВУШКА
МИСТЕР
ТВИСТЕ

В. МАЯКОВСКИЙ

О РЫБАКЕ И РЫБКЕ

У самого
берега
жил
рыбак.
Направо —
море,
налево —
дом.
Каждое
утро
рыбак
натощак
Рыбку
ловил
неводом.
Ловил,
и какого еще
рожна!
Ухи
похлебать
теперь бы,
Но была
у него
старуха
жена.
Хуже
не сыщешь
стервы!

Золотую
рыбку
поймал
рыбак,
Не чуя
скверной
истории.
И вот
попал
к жене
под башмак,
Чтоб ей
сгореть
в крематории!
Семейная
жизнь
превратилась
в содом —
Рыбак
вареного
рака
ошпаренней.
То выстрой
старухе
изящный
дом,
То сделай
ее
барыней!
Барыней побыла,—
требует,
чтоб
Звали
ее
царицею.

Рыбаку впору
спрятаться
в гроб,
Ползает
мокрой
мокрицею.
Мне
попадись
такая
жена —
Зануда
старого
быта —
Я б как гаркнул:
— Цыц, сатана!
Сиди
у разбитого
корыта!
Я б разделал
ее под орех
Моргнуть
не посмела б
глазом...
Читайте
журнал
«Бывший Леф»
И —
никаких
сказок!

О КРАСНОЙ ШАПОЧКЕ

У Красной Шапочки
Не ножки, а ноженьки,
Не ручки, а лапочки
Беленькой коженьки.

На щечке ямочка,
Ротик малюсенький.
Шапочку мамочка
Послала к бабусеньке.

Отправилась душечка,
Крошка манюнечка.
В лесу — избушечка,
В избушке — бабунечка.

— Бонжур, бабусенька!
Отчего твои глазики
Такие круглюсенькие,
Как медные тазики?

Почему твоя рученька
Длинная, длинная?..
Бедная внученька,
Крошка невинная!

Волк отвратительный.
Сцапав в охапочку,

Скушал решительно
Красную Шапочку.

Деточки-крошечки,
Мальчики, девочки,
Милые крошечки —
Верочки, Севочки!

Вы слышали драмочку
Про Красную Шапочку,
Слушайтесь мамочку!
Слушайтесь папочку!

И. УТКИН

О РЕПКЕ

Для сказки надо зацепку.
Зацепку? Так что из того!
Посеял Мотеле репку,
И выросла репка — во!

Мотеле репку тянет —
Попробовать захотел!
Потянет, потом перестанет,
Прямо-таки вспотел!

Так трудно тянуть в одиночку!
И день проходит, и ночь.
Вот Мотеле кличет дочку,
Внучку, Жучку и проч.

И после такого подхода,—
Семья — ведь это же трест! —
Нет в земле корнеплода,
И Мотеле репку ест.

Дети! Запомните крепко:
Мудрость выше борща!
В одиночку сажайте репку,
А вытаскивайте сообща!

ДРУЗЬЯ ДЕТЕЙ

1. У ХРЮШЕЧКИ-СВИНУШЕЧКИ

У хрюшечки-свинушечки
Пуховые подушечки.
Розовая кошечка
Смотрит из лукошечка.
Смеются из пеленочек
Жирафчик и слоненочек.
Лягушечка квакает,
Редактор крякает.
Ку-ку!

Бабушка Федора

2. БОБА-БАРАБАНЩИК

Боба-барабанщик,
Боба-барабанщик,
Боба-барабанщик
Очень мал.

Боба-барабанщик,
Боба-барабанщик,
Боба-барабанщик
Утром встал.

Боба-барабанщик,
Боба-барабанщик,
Боба-барабанщик
Палки взял.

Боба-барабанщик,
Боба-барабанщик,
Боба-барабанщик
Зашагал.

Тетенька Лизавета

3. ДАМА ИЗ АМСТЕРДАМА

Приехала дама
Из желтого Амстердама.
С нею — пудель-приятель,
Социал-предатель,
На предателе фрак,
На фраке фашистский знак.

Пошли они в «Асторию» —
Попали в историю.
Сунулись в «Гранд-Отель» —
Вышла канитель.

Швейцар Василий очень строг,
Не пустил их на порог:

— Хоть вы и дама
Из желтого Амстердама
И с вами приятель
Социал-предатель,
На предателе фрак,
А на фраке фашистский знак,—

Убирайтесь поскорей,
Нет свободных номерей!
Потому что вы дама
Из желтого Амстердама

И с вами приятель
Социал-предатель,
На предателе фрак,
А на фраке фашистский знак.

Вскоре, понятно,
Уехали обратно —
Дама
Из Амстердама,
Ее приятель
Социал-предатель,
На предателе фрак,
На фраке фашистский знак.

Дяденька Форшмак

4. ПЕТЯ-ДЕТКА

Петя-детка заскучал,
Заскучал и закричал:
— Я скучаю и кричу!
Я кричаю и скучу!
Баю-баиньки хочу!

Тара-ра, тара-ра,
Прибежали доктора.
Крокодил-крокодиленок,
Краснорозовый слоненок,
Жирофлистый жирофленок,
И прочие Петины доброжелатели.

Петя-детка все лежит,
Он скучает и дрожит.
На лице его марашки,
По спине его мурашки,
Буки-веди-таракашки!

Тара-ра, тара-ра,
Закричали доктора.
Крокодил-крокодиленок,
Краснорозовый слоненок,
Жирофлистый жирофленок,
И прочие Петины доброжелатели.

— Петя, слушай наши сказки,
Спи-усни, закрывши глазки.

Петя сморщил нос и лоб
И с кроватки на пол — хлоп:

Он рукой не шевелит
И ногой не шевелит,
Языком не шевелит,
Головой не шевелит.

— Петя спит — ура! ура!
Заплясали доктора.
Крокодил-крокодиленок,
Краснорозовый слоненок,
Жирофлистый жирофленок,
И прочие Петины доброжелатели.

Вот такие Пети-детки
Не нужны для пятилетки.

Дяденька Корнеплодий

5. МЫ — ИНДУСТРИАЛЬЧИКИ

Дорогие деточки,
Тише, не кричать!
Планчик пятилеточки
Будем изучать.

Точечки, кружочечки,
Как звездочки, горят.
Стальные молоточечки
На строечках стучат.
Вагончик за вагончиком
По рельсикам бежит,
С железом и бетончиком
К заводикам спешит.
Работают в три сменочки
И тут, и тут, и тут.
Домночки, мартеночки,
Комбайнчики растут.
Мы девочки, мы мальчики,
Мы все инженера.
Мы все индустриальчики.
Ура! Ура! Ура!

*Святополк Ваграньки*н

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗАИКИ

Классик и современники

КРИТИКИ

ПОЭТЫ

ДЕТСКОЕ

Друзья детей

Издательство просит читателя дать отзыв как о содержании книги, так и об оформлении ее, указав свой точный адрес, профессию и возраст.

Библиотечных работников изд-во просит организовать учет спроса на книгу и сбор читательских отзывов.

Все материалы направлять по адресу: Москва, Б. Гнездниковский пер., д. 10, изд-во «Советский писатель».